

Родился в Ленинграде в 1989 г. Закончил СПбГУКИ, работает экскурсоводом. С 2010 года является слушателем школы поэтического мастерства «Линии времени». Лауреат различных поэтических конкурсов и фестивалей. Обладатель приза зрительских симпатий на всероссийском поэтическом фестивале «Русские рифмы 2015», финалист всероссийского литературного фестиваля «Филатов-фест», участник молодёжного форума «Таврида» (смена поэтов, прозаиков, критиков), дипломант литературного фестиваля им. Н.Гумилева «Осиянное слово», участник трех конференций молодых писателей Санкт-Петербурга. Лауреат и обладатель Гран-при Всероссийского музыкально-поэтического фестиваля мелодекламации им. В.В.Верушкина «Стихотворные струны города Питера», участник литературной конференции им. Михаила Анищенко (Самара), победитель Всероссийского литературного фестиваля «Русские рифмы 2016», представитель Литературно-дискуссионного клуба «Стрелка поэтов» при Центре Современной Литературы и Книги.

Публикации: "Литературная газета", журнал "Москва", газета «Васька», "Молодые ветра" «Невский Альманах», «АВС-студия», «Балтийский парус», "Окно", " На Втором Белорусском" (Поэзия улиц), поэтический сборник «Звучащие строфы Петербурга», " Русские рифмы".

БАЛЛАДА О ФАРФОРЕ

Пусть скромнен — антиквариат:
Танцовщиц — статуэтки,
Да пять заслуженных наград,
За подвиги в разведке.
Но можно всё-таки продать
Святые вещи эти,
Ведь опостылела нужда
В тысячелетье третьем.
 Какой же мерзкий нынче март,
 Тепло ещё не скоро
 Вернётся в город Ленинград,
 А тот ли это город?
Где всё — продажно?
Но цена —
Какая ветеранам?
Ведь завершённая война
Гуляет по экранам,
 Став сериальщиной сплошной,
 В многосерийном мыле,
 Но разве только для кино
 Мы немцев победили?
Один расклад: фашистский клин
Мы вышибали клином,
Был враг тогда на всех один,
Душа, окопом длинным,
 Тянулась, зная, умирать
 Полегче с чувством долга.
 Кто — враг сейчас? Россия — мать?
 Чужою стала Волга,
Чужая степь, чужой Урал,
Чужие мысли даже,
Неужто орден я украл?
Нет: отменю продажу,
 Да и фарфор верну в сервант,
 С ним пережил блокаду,
 Пусть и закончился парад,
 Но не продам награды.

Война и впрямь уходит в быль,
Ликует мирный город,
А я стираю тихо пыль
С фигурок из фарфора.
Нужда, конечно же, — беда,
Особенно под вечер,
Но и былого не продать,
С ним выжить как-то легче.

РЫБНЫЙ ДЕНЬ

В тот год зима превысила лимит
Морозных дней, и сразу стало ясно,
Что если и спасёт, не сохранит
Безмерное, безудержное пьянство
Моих друзей, меня, тебя и всех.
Гигантское малиновое солнце,
Рассвет похмельный
и вчерашний грех
В неравной схватке вздумали бороться
Со мной с утра. Казалось, всё и вся
Готовит нам внезапную подянку;
Спустясь в шалман, я взял
сто пятьдесят —
Привычную суровую приманку,
Глотнул и понял: двигаться мне лень.
В тепле кабацком, сняв
кроссовки Reebok,
Я вспомнил вдруг аквариумных рыбок,
Которые погибли в рыбный день...
В четверг, примерно десять лет назад,
В морозный день, приняв с утра
полтинник,
В аквариум я сунул кипятыльник
И, наплескав себе в стакан нарзан,
Подумал: «Подогреется вода,
И станет рыбкам жить куда теплее».
Тогда ещё не думал о тебе я
И, не желая никому вреда,
Отправился к Морфею, в дивный край,
Со всех щелей сочилась холодрыга,
Храпели все, никто, не слышал крика,
Меня ты упрекай, не упрекай...

Я крепко спал под музыку битлов,
И больше не шипел нарзан в стакане,
А рыбки всё стучались плавниками
В горячее и прочное стекло.

Когда-нибудь в полнейшей темноте
Узнаю я, что мы не победили
Самих себя, и чей-то кипятильник
Приблизит наш последний
рыбный день.

Россия, к счастью, не Атлантида,
Не опустилась пока на дно,
Еще пучина не поглотила
Страну, что ты назовешь родной.

Цветут не водоросли — деревья,
И в легком доступе — кислород.
А где деревня? — спилась деревня —
Все как обычно из года в год.

В стакане — водка, в кармане — взятка
В толпе — протянутая ладонь,
Здесь европейцы и азиаты
Живут, а значит не под водой

Пока Россия... Не наступила
Эпоха безкислородных дней,
И слава богу, не из опилок
В стране, что нет для меня родней,

Сегодня хлеб, и без акваланга
Здесь можно выжить назло врагам
И закружиться в безумном танго,
Схватив рогатого за рога.

Здесь правдорубы царем гонимы
Себя погубят — спасут других,
А на иконах святые нимбы
Для всех — спасательные круги.

Здесь крепко в землю вросли часовни —
Святых хватает в России мест.
В дыму табачном, в блатном шансоне
Из года в год проступает крест.

Тот, что хранит на себе распятые.
Какой бы ни был сегодня век,
Он вечно тянется к нам в объятия,
Как будто тонущий человек...

Однажды мальчуган увидел новости,
А в новостях бомбят своих свои же,
Не важно где, в Славянске ли, в Париже,
Ведь Родины не может быть у подлости.

Там, за экраном, плачущие дети,
Такие же, как он — Андрюши, Пети,
Но облачка, лишённые суровости,
Зачем вы просочились в эти новости?

Нам в облаках сейчас ни время нежитья,
Куда бы не отправились, мы — беженцы,
Бежим. Кто от войны, кто на войну,
Различной информации волну

Заглатываем мы из новостей,
Бежим к властям, а кто-то от властей,

Но никуда от совести не деться
В тот миг, когда под танками хрустят
Минуты недоигранного детства,
Которые увидел в новостях

Мальчишка, ощутив и злость, и жалость,
Не зная, что страна уничтожалась.

Он за нее не может быть в ответе,
Но в нем остались плачущие дети,
Осталась в нем всеобщая проказа,
Боязнь невыполнения приказа,

Остались в нем и стыд, и совесть наши,
А на бумаге — танки из гуаши...
А папа повторял: не провороньте!
Программу "Вести".
Как дела на фронте?

Потом шептал: «Когда же это кончится?..»
Ведь фронтом перерезана песочница,
Какие деньги армиям обещаны?
За слезы старика, ребенка, женщины...

Не дьявол ли пульсацией набата
Стремится брата натравить на брата?

Вопросы остаются без ответа
Под шквалом пулеметного огня...
И в кулачке казенная конфета
Не символ ли сегодняшнего дня?

Как только человек открыл глаза,
Биение услышав сердца в плоти,
В нем родилось два слова: слово — за
И вместе с ним — решительное — против.
Он шел вперед и отступал назад.
Он до сих пор наверно, где-то бродит.
И до сих пор живет в нем слово — за
И вместе с тем — решительное — против.
— На мамонта!? — в ответ кричали «за!»
И взять осадой Трою, мы не против!
Слова, в глазах, рождавшие — азарт,
Могли родить — волнения в народе.
Вот ведьму поднимают на костер,
Здесь, в городе, что вырос на болоте
Уже сожгли двоих, ее сестер,
Ее сжигать? Вы — за? А может — против?
Она стоять осталась на костре,
Ничто ее обратно не воротит,
А если Вас проводят на расстрел?
Расстреливать!? Вы — за? А может — против?
Что выбрать, люди думают давно:
Добро и зло соседствуют в природе,
И компромиссом стало — все равно
Что собственно не за, да и не против.
Удобнее сказать: «Мне все равно!»,
Не быть чтоб камнем в чьем-то огороде,
Не мучиться чтоб болью головной,
Мне все равно! Ведь я совсем не против...
И равнодушие точкой отправной
Легко стать может, можешь быть уверен
Когда уже привычным «все равно»
Забиты окна и забыты двери.
И безразличьем загудит базар,
Ведь фраза «все равно» сегодня в моде,
Но все же остаются те, кто — за
И, слава Богу, те, кто — твердо против.

Продолжают Россию ругать,
Всё отчетливей слышится ругань,
А представьте, что дрогнет рука
У всевышнего дяди-хирурга,

И теперь не удастся спасти
То, за что наши деды сражались,
И сквозь маску прошепчет "прости..."
Тот, кто людям доверил скрижали

И, рукав приподняв, бросит взгляд
На часы, а затем на икону
И поймет, сколько не было б клятв,
Воскрешенье перечит закону.

И заплачет всевышний хирург,
Что с проблемой бороться нельзя так,
Что сплошной ампутацией рук
Не изгонишь желание взяток.

И на белом халате следы
Вдруг рождаются падением капель,
И в запое хирург до среды,
Отдыхают носилки и скальпель.

До безумия жалко страну,
Ничего не имея дороже,
Я с отчаянным криком "тону!"
Погружаюсь в своё бездорожье.

И в себе находя дурака,
Я брожу по руинам Луганска,
Опасаясь, что дрогнет рука
Над страной, что не хочет ругаться.

Над народом единым, одним,
Это теплое слово — славяне.
Что не может быть нам неродным
И в сердцах никогда не завянет.

В старинной шкатулке лежали медали,
Кусочки Победы, впитавшие страх,
Свидетели голода, зверских баталий,
Им кажется, снова бежит медсестра
К солдату, от взрыва упавшему навзничь,
Им слышится, как пулемёты строчат.
Медали — свидетели массовой казни —
Не будут молчать, если все замолчат,
Они будут помнить людские страдания,
Под слоем других, невоенных эпох
Кусочки Победы впитали рыдания
Не только людей, но рыдания — богов.
Им тесно в шкатулке, в полнейшем молчанье,
В пустой темноте и под прессом рутин
Медали мечтают глухими ночами
Еще хоть разок заблестеть на груди,
Светясь, отражая салютную россыпь,
Улыбки людей, не закованных в страх,
Гвоздики, ромашки, тюльпаны и розы
Не пламя пожара, а пламя — костра.
Им хочется слышать биение сердца
Здесь, рядом, поблизости, под пиджаком,
Но вряд ли найдётся волшебное средство,
Не важно, кем будешь: своим — чужаком,
От старости, от неминуемой смерти,
Что может подкрасться как будто озноб,
И кто-то вдруг вымолвит: «Тело измерьте» —
И новой квартирой окажется гроб.
И словно в гробу — в довоенной шкатулке
Кусочкам Победы придётся остыть,
Забыв о неспешной, победной прогулке
В стране, где всё чаще мы чувствуем стыд
За тех, чьи карманы набиты валютой,
Пред теми, кто дал нам когда-то займы
От жизни своей и мерцанья салюта,
Дождаться не смог в черной рамке войны.
Не хочется, чтобы потомки метались,
Сегодня в сомненьях, не надо вранья,
В потерянной шкатулке остались — медали
И пусть только в памяти будет — война.

Камуфляжное небо Донбасса
 Растянулось с востока на запад,
 К сожаленью, рассвет не добрался,
 К сожаленью, придётся на запах

Убегать от людей, не щадящих
 Ни детей, ни морщинистых старцев,
 Не играйте, пожалуйста, в ящик,
 И прошу вас: не надо сдаваться,

Принимая постыдные позы,
 Ни рубля, ни заморского цента
 Не заплатят за детские слезы
 Камуфляжного страшного цвета.

Безграничны людские печали,
 Старикам ничего не осталось,
 На секундочку только причалют
 И уйдут в камуфляжную старость,

А парней беспощадной эпохи
 Окунут в камуфляжную совесть,
 И застрелят их на полувздохе,
 Или, может быть, на... полуслове...

ТАКИЕ РАЗНЫЕ – МЕЧТЫ

Искрилось утро каплями росы,
 Зевая, два счастливых сорванца,
 Жиринки из варёной колбасы
 Под самовар припрятав от отца,

Подумывали: «Ловко провели,
 Он даже не заметил: ну и ну», —
 Ведь о войне и думать не могли,
 Хотя играли каждый день в войну.

Про голод ничего не знали мы,
 Был, просто, не по вкусу белый жир,
 Но сорок первый год ворвался в быт,
 И окружили город блиндажи,

Могильные окопы, злая смерть,
Расправив крылья, мечется вокруг
Людей, домов, попробуй-ка ответь:
А твой ли этот новый Петербург?

Твоим ли остаётся Ленинград?
Твои ли щёки впали на лице
В страшнейшей из известнейших блокад:
Где были все в трагическом кольце.

И в нём своей дрожащею рукой,
Под самовар, без всяческой надежды,
Я забирался, мир — теперь другой,
И всё — другое, Бог-то с ней с одеждой,

Другие души... та же всё — Нева,
Адмиралтейство, крепость, Эрмитаж,
Но приговором кажутся слова:
«Санкт-Петербург, блокадники, — не ваш»!
У города-героя, где лицо,
В высотках, заслонивших прелесть неба,
Иль в старцах, что в ушедших девятьсот

Дней и ночей, опилочного хлеба
Сосали корки?
Где ты, Ленинград?
Про героизм и веру: ни гу-гу,
А справился бы с тысячью блокад,
Когда б дельцам не сдался, как врагу...

...Морщинами изъедена рука,
Под самовар которую пихал,
Сегодня отпихнули старика
От жизни,
а возможно — от греха...